

Запутанная естественная история

Ретроспектива Дмитрия Плавинского

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Коннерсатив. - 2004. - 24 сен. - с 21.

В Третьяковской галерее открылась ретроспективная выставка **Дмитрия Плавинского**, приуроченная к возвращению художника-шестидесятника из США, где он прожил последние четырнадцать лет. **ИРИНА КУЛИК** полагает, что опыт эмиграции никак не скажется на творчестве художника, посвященном куда более далеким воображаемым путешествиям.

Ретроспектива Дмитрия Плавинского продолжает начатый Третьяковкой еще в прошлом сезоне цикл персональных выставок классиков-нонконформистов. Только на этот раз выставка шестидесятилетнего мэтра происходит не на Крымском валу, рядом с экспозицией XX века, а в Лаврушинском переулке. И хотя дело, скорее всего, просто в наличии свободных выставочных пространств, в этом можно усмотреть и эстетическую закономерность — из всех художников своего поколения и круга Дмитрий Плавинский, несомненно, является самым пассеистичным.

Его выставка в целом и каждое произведение в частности так и ломятся от всевозможных культурных реминисцен-

ций. Новгородские церкви, готические соборы, античные руины, восточные кладбища, тибетские монастыри, венецианские каналы, нотные линейки и арабская вязь, письмена Торы, стихи Велимира Хлебникова и, конечно же, тайнопись мира, которую следует усматривать в узорах черепахового панциря, крыльев бабочки или прожилок листьев.

Чтобы вместить в свои произведения все эти нескончаемые архивы, гербарии и бестиарии, художник изобретает все новые и новые техники. Он примешивает к краскам песок, гипс, мраморную крошку, превращает живопись в рельеф, растворяет изображение в бесчисленных лессировках, увешивает картины лоскутами и колокольчиками, создает ассамбляжи и инсталляции, включающие в себя черепа, венецианские маски, малахитовые пирамиды, разбитые скрипки, сушеных бабочек, птичьи чучела и бог знает что еще. Правда, до того, чтобы включить в свою инсталляцию, скажем, чучело козла, как это некогда сделал американский поп-артист Роберт Раушенберг, Дмитрий Плавинский не доходит — все, что де-

лает русский художник, обязательно находится под сенью культурной традиции, сколь бы причудливые формы она ни обретала.

Искусство Дмитрия Плавинского, монументальное и в то же время бисерно-каллиграфическое, расточительно-многорудное и витиевато-многословное, отлично вписывается в почтенную отечественную традицию интеллигентского эстетства. При взгляде на его картины вспоминаются и разукрашенные сухими травами, прозрачными сосудами и полузатопленными иконами кадры из фильмов Андрея Тарковского, и залихватски эзотерические тексты песен Бориса Гребенщикова. Как же не вспомнить «Ихтиологию» на выставке художника, сделавшего одним из своих излюбленных образов рыбу. Символ древних христиан обретает неожиданное значение. В какой-то момент художник разглядел контуры рыбьего скелета в очертании Манхэттена. А схема московского метро обернулась черепахой.

Но если лидер «Аквариума» еще мог по простоте душевной задаваться вопросом «какая рыба в океане плавает быстрее всех», то из творчества Дмитрия Плавинского следует, что единственным ответом на любой вопрос будет «тайна сия велика есть». Художник многократно рисует или воссоздает в инсталляциях лабиринты. Но по поводу того, существует ли реальный маршрут, которым можно пройти этот лабиринт, отвечает уклончиво: «Вся наша жизнь — лабиринт». Стоит же художнику нарисовать нечто с более или менее внятным меседжем — и делается, право, неловко, как, скажем, перед картиной «Моцарт и Сальери» 1987 года, где гений обозначен кипой нот, а злодейство — каким-то конверсионным гибридом мясорубки с пулеметом с надписью «СССР». Что же до последнего произведения художника — грандиозного триптиха, посвященного 11 сентября, то небоскребы, превратившиеся в Вавилонскую башню, Манхэттен, обернувшийся акулой, и жертвы трагедии, превратившиеся в фигурантов классического сюжета о составших из могил в день Страшного суда, поражают полетом мысли, достойным едва ли не Ильи Глазунова. Не стоило выходить из лабиринта, чтобы обнаружить такое откровение. Тем более что сами затейливо разукрашенные художником лабиринты выглядят в высшей степени изысканно и по-своему уютно.

Дмитрий Плавинский вернулся в Москву после 14 лет, проведенных в Америке ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА